
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Синтетический образ России-Евразии

Рецензия на книгу: Савицкий П.Н. (2018) Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Викмо-М.

Р.Р. ВАХИТОВ*

***Рустем Ринатович Вахитов** – кандидат философских наук, доцент, факультет философии и социологии, Башкирский государственный университет. Адрес: Уфа, ул. А.-З. Валиди, д. 32. E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Цитирование: Вахитов Р.Р. (2019) Синтетический образ России-Евразии // Мир России. Т. 28. № 4. С. 193–200. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-193-200

Россиеведение сегодня – одна из популярных областей исследования. Тем не менее проблематичным остается вопрос о предмете его изучения. Вопрос «что такое Россия?» не так уж прост и сопряжен с целым рядом проблем философского, геополитического культурологического характера: о соотношении умственных конструкций и реальности, естественных границах, этническом содержании цивилизаций. Свообразные ответы на эти вопросы предлагало русское евразийство. Научные аспекты теорий евразийцев отражены в рецензируемой книге П.Н. Савицкого «Научные задачи евразийства. Статьи и письма». Книга включает в себя статьи 1920–1930-х гг. о Россиеведении, русской истории, литературе и сталинском СССР, а также переписку П.Н. Савицкого с П.П. Сувчинским.

Ключевые слова: П.Н. Савицкий, евразийство, Россиеведение, Россия, структура, эйдос

Россиеведение – это комплексная дисциплина, вошедшая в перечень вузовских предметов, представляет собой аналог западных *Russian Studies*. По этой тематике написано большое количество статей, монографий и диссертаций. Вместе с тем, на наш взгляд, до сих пор не только не достигнут консенсус о предмете Россиеведческих исследований, но должным образом не поставлена и сама проблема. Причина стара как мир: еще Платон в своих диалогах показал, что самые сложные и не-

однозначные вопросы кажутся обыденному сознанию уже давно и прочно решенными – даже самоочевидными и не нуждающимися в обсуждении. Собеседники платоновского Сократа высокомерно подшучивали над ним, когда он спрашивал их: «Что такое справедливость? Мужество? Благодетель?» Им казалось, что это ненужные, глупые вопросы, ответы на которые знают и дети; каково же было их изумление, когда они осознали, что у них нет четкого и правильного ответа на них.

В нашем случае мы имеем схожую ситуацию. Бесспорно, что предметом изучения россиеведения является Россия, но что такое Россия? Вполне очевидно, что это страна, в которой мы живем, Российская Федерация, но одновременно и особая цивилизация, история которой насчитывает тысячу лет. Мы ассоциируем с Россией такие исторические государственности, как Киевская Русь, Московское царство, Российскую империю, СССР¹. И, между прочим, сам термин «Россия», придуманный греками-византийцами, достаточно поздний: жители Киевской Руси и Московского царства себя с таким именем не связывали, а в современном его написании он стал употребляться лишь в эпоху Петра I, причем лишь в литературе и официальных документах, то есть в языке интеллектуальной и бюрократической элиты.

Россия Романовых включала в себя территории современных Польши, Финляндии, Украины, Белоруссии, Центральной Азии, закавказских республик, часть территорий современных Китая, Германии, Турции. Помимо этого, в разные исторические периоды она имела владения на Аляске, в штате Калифорния (Форт Росс), на Гавайях; недолгий срок русская колония «Новая Москва» существовала и на территории современного Джибути (французского Сомали). Что же считать частью России, и, вообще, каковы границы российской цивилизации и российского мира? Вне всяких сомнений, что в случае с африканской «Новой Москвой» или Аляской это звучит как анекдот, но что касается Украины, то до сих не утихают споры на эту тему, и не только маргинальные русские националисты, но и некоторые серьезные ученые считают, что Украина – не более чем южная Россия. Как бы то ни было, российский мир и цивилизация существуют, а все существующее в мире феноменов имеет границы (впрочем, на современном Западе распространены модные идеи, согласно которым, Россия – исторически меняющийся конструкт, и это также является попыткой ответить на поставленный вопрос, хотя для многих в российском сообществе в силу его ментальных особенностей эти концепции неприемлемы). С другой стороны, если есть российская цивилизация (как историко-географическая реальность или как конструкт), то разные аспекты жизни и деятельности этой цивилизации должны быть связаны, а значит, должно быть соответствие между специфическим российским типом хозяйствования и, например, литературой, философией, политическими идеологиями и т.д. Наконец, не совсем ясен вопрос об этническом субстрате российской цивилизации. Популярна точка зрения, что этот субстрат в основе своей – русская нация. Это мнение охотно принимается как русскими националистами, так и их коллегами по идеологии из числа националистов других народов России. Только первые говорят о дружбе и гармонии между русскими и инородцами, а вторые – о русской колониальной империи. Также бытуют и другие мнения – от доктрины российского гражданского национализма до евразийства.

¹ Некоторые эмигранты первой волны не признавали преемственность Российской империи и СССР, а украинские историки выражают сомнения относительно Киевской Руси.

Собственно, о евразийстве и пойдет речь. Евразийцы, возможно, были одними из первых в русской интеллектуальной истории, кто попытался дать четкие и осмысленные ответы на все три названные вопроса. Прежде всего, в этом отношении важна позиция главного идеолога евразийства, для которого оно стало делом жизни, – Петра Николаевича Савицкого (1895–1968), чья книга «Научные задачи евразийства. Статьи и письма» была опубликована в Москве в 2018 г.² Безусловно, специалистам она известна, но для более широких кругов интеллектуальной публики, интересующейся вопросами российской цивилизации, необходимы некоторые пояснения.

Евразийство возникло в 1921 г. как идеология группы ученых, публицистов, общественных деятелей, в которую входили П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский, Л.П. Карсавин, Г.В. Вернадский и другие, разработавшие новое понимание России как культуры и цивилизации, отличной как от Запада, так и от Востока, и соединяющей в себе черты и того, и другого. Изначально это был преимущественно научно-философский проект, и в первых сборниках можно встретить программные статьи, посвященные экономике, географии, истории, литературоведению. Однако затем, когда идеи евразийства стали пользоваться популярностью у эмигрантов (особенно у бывших белых офицеров) и когда английский филантроп-миллионер Генри Норман Сполдинг выделил немалую сумму на поддержку профильных изданий, евразийство превратилось в общественную и даже политическую организацию. В 1920-е гг. евразийцы попали в сети советской разведки, которая в процессе проведения операции «Трест» сумела внушить им, что в СССР действует большое число их сторонников, тем самым подтолкнув эмигрантов-евразийцев к усилению пропаганды на советскую аудиторию и к заброске своих эмиссаров в Советский Союз [Ашнин, Алтамов 1996]. Пик политической активности евразийцев пришелся на 1927 г., когда внутри этой организации возникла левая просоветская фракция, а правые антикоммунистические евразийцы всерьез обсуждали возможность участия в антибольшевистском восстании, которое якобы должно вспыхнуть в СССР в ближайшее время. Следует отметить, что определенные предпосылки для таких слухов существовали. 1927 год был ознаменован «хлебной стачкой»: тогда обострились отношения между городом и деревней, в городах начались перебои с продовольствием, были введены хлебные карточки. На фоне этого усугубилась фракционная борьба в ВКП(б): троцкисты («левая оппозиция») открыто выступили против руководства партии, организовали альтернативную демонстрацию 7 ноября, чем навлекли на себя репрессии. И в самом СССР, и за границей многим казалось, что Советский Союз стоит на грани новой гражданской войны и что падение большевиков близко. Поддавшись этим настроениям, евразийцы написали программу «Евразийство (формулировка 1927 г.)», где подробно изложили свои взгляды на политический, экономический и социальный строй будущей России. Впоследствии в архиве евразийцев были обнаружены проекты устройства госучреждений, которые они планировали создать в посткоммунистической России.

² Книга снабжена исследовательской статьей ее составителя К.Б. Ермишиной, кандидата философских наук, сотрудника Дома русского зарубежья имени А.И. Солженицына, которая занимается публикацией трудов и эпистолярного наследия евразийцев и известна своими научными работами в области евразийствоведения.

Впрочем, к началу 1930-х гг. стало очевидным, что СССР кризис пережил, в то время как евразийская организация раскололась, потеряв значительное количество сторонников, превратившись в объект травли со стороны эмиграции после того, как блеф советской разведки раскрылся.

В сборнике «Тридцатые годы» мы видим возврат П.Н. Савицкого к научной деятельности. В одной из главных статей сборника «Научные задачи евразийства» автор заявляет, что преобладающей задачей русской науки должно стать изучение России и прежде всего «евразийского месторазвития» (так евразийцы называли географический ареал, охватывающий пространство от белорусско-польской до российско-китайской границы и приблизительно совпадающий с территорией СССР до 1939 г.). П.Н. Савицкий указывал на географические особенности, сближающие земли этого ареала, например, «флагоподобное расположение зон сплошного континентального пространства» [Савицкий 2018, с. 109]. Собственно, на первый вопрос, поставленный в начале этой статьи, евразийцы отвечали четко и ясно: естественная граница между Европой и Евразией (или Россией как одной из исторических реинкарнаций Евразии) является «отрицательная изотерма января», линия, за которой начинаются зоны континентального климата, характерного для Евразии, а не для Европы.

Наброски теории месторазвития были созданы П.Н. Савицким еще в 1920-е гг. Поскольку в 1990-х массовым тиражом были переизданы преимущественно ранние труды евразийцев, относящиеся к 1920-м гг., у российской публики сложилось впечатление о евразийцах исключительно как о геополитиках и даже географических детерминистах³. В «Научных задачах евразийства» П.Н. Савицкий признает геополитический аспект евразийского мировоззрения, в то же время призывая увидеть в русской истории органическую часть истории евразийского месторазвития и указывая на структурные совпадения в хозяйственной деятельности древних славян, скифов и других народов архаичной Евразии, Российской империи и СССР начала XX в.: «экономические районы 1926 г. на пространстве Доуралья весьма близки, оказывается, по своим очертаниям, к тем районам, которые можно установить на том же пространстве по характеру культур бронзового века» [Савицкий 2018, с. 107], это «та местность, где впервые в поле зрения современной археологии появляется на пространстве Евразии земледелие: район бывших Киевской, Подольской и Полтавской губерний <...> и в современности – по целому ряду показателей – выделяется как область особо интенсивного земледелия. Пространство Скифии, описанной Геродотом как область кочевниково-коневодов, занимает в Евразии совершенно исключительное место по количеству лошадей на квадратную версту, согласно данным сельскохозяйственной переписи 1916 г.» [Савицкий 2018, с. 108]. П.Н. Савицкий делает вывод: «<...> изменилось содержание явлений. Но остались неизменными структуральные черты» [Савицкий 2018, с. 108].

Благодаря теме структуры, работы П.Н. Савицкого из сборника «Тридцатые годы» получили название «структуралистских манифестов» [Полухин 2009]. Не следует забывать, что «научный поворот евразийства» совпал во времени с активным участием идеологов евразийства Н.С. Трубецкого и в определенной мере

³ Тем более популяризацией евразийства в это время занимался А.Г. Дугин, который сближал евразийство и немецкую геополитику 1930-х, что не соответствует действительности.

П.Н. Савицкого в деятельности Пражского кружка, вошедшего в историю как движение славянских структуралистов, в рамках которого возникла новая лингвистическая дисциплина – фонология. Швейцарский исследователь Патрик Серю пишет о евразийцах как о создателях своего рода «онтологического структурализма», в отличие от своих будущих французских единомышленников, разрабатывавших особый, эссенциалистский вариант структурализма, где понятие структуры сближается с понятием платоновского эйдоса [Серю 2001]. В «Научных задачах евразийства» П.Н. Савицкий останавливается на периодах в развитии истории, экономики, политики, культуры России-Евразии, что позволяет открыть оригинальный «периодический закон России», описать ее при помощи периодической системы, которая будет частью «периодической системы сущего», потому что своеобразным периодам и периодическим законам подчинено все в мире – от физической реальности до общественных укладов: «Явления исторические, экономические, археологические, лингвистические необходимо приобщить к названной системе и ритмике. Это – шаг к установлению *периодической системы сущего*» [Савицкий 2018, с. 110].

Итак, П.Н. Савицкий видит в евразийстве междисциплинарную, синтетическую теорию России-Евразии: «Сопоставление данных общей и экономической географии с данными истории хозяйственного быта, этнографии, археологии, лингвистики <...> может дать совершенно неизвестный доселе синтетический образ России-Евразии как в отдельных районах, так и в ее целом» [Савицкий 2018, с. 109]. При этом Россия-Евразия понимается как единое целое, обладающее географическим, экономическим, лингвистическим и другими аспектами, где содержание явлений российской культуры может меняться, но структуральные черты, то есть структура, модель организации, эйдос, остаются неизменными: как река есть меняющиеся воды и постоянное русло, так и Россия представляет собой меняющееся культурное содержание и неизглаголанную структуру. Собственно, само наличие этой структуры и делает руссиеведение единой наукой, так как в противном случае было бы непонятно, что является ее предметом: Россия как географическая, лингвистическая или какая-либо иная реальность. Поскольку география, языковая картина и экономика России организованы в соответствии с одними и теми же принципами, имеют одну и ту же структуру, можно говорить о едином предмете. Собственно, руссиеведение и призвано изучать не столько эмпирическую Россию, сколько структуру России, точнее, руссиеведение настолько изучает эмпирию российского пространства и культуры, насколько это помогает выявить скрывающуюся под ней структуру.

На эту концепцию платонического структурализма П.Н. Савицкий указывает во второй работе из сборника «Тридцатые годы», которая называется «Власть организационной идеи»: «<...> в организационной идее каждого явления мы нащупываем его эйдос. И наблюдая, как эйдос управляет явлением, мы приходим к эйдократической концепции сущего – не только в политическом, но и в самом широком философском смысле слова. В одних случаях, эйдос – перед тем как раскрыться в мире – проходит чрез человеческое сознание. В этих случаях организационная идея есть, прежде всего, факт человеческого сознания. В других случаях организационная идея присуща самим вещам (физическая химия, география, биология) и только улавливается нашим сознанием, но уже не в порядке действенной практики (как в политике или экономике), а только в порядке познания. Однако

и здесь организационная идея остается сама собою. В этих противоположных явлениях организационной идеи раскрывается ее единство, тождество “образа и подобия” ее различных носителей» [Савицкий 2018, с. 122].

Таким образом, в месторазвитии как географической реальности вмонтирован эйдос, который определяет организацию хозяйственной, политической жизни народов, живущих в этом месторазвитии и составляющих особую цивилизацию, но задача интеллигенции этих народов – осознать эйдос, который управляет исторической судьбой цивилизации, национальную идею и в соответствии с ней перестроить жизнь этих народов. Для России идеологией такого цивилизационного самосознания является, разумеется, евразийство: «К чему же стремится евразийство? Оно желает стать стержневой идеологией русского народа – и притом воспитать его сознание в таком направлении, которое сделало бы возможным его объединение с другими народами Евразии в высшую культуру-личность» [Савицкий 2018, с. 106]. Евразийская наука – объединенные усилия представителей различных дисциплин, изучающих Россию, – имеет, по П.Н. Савицкому, прикладной характер, она служит евразийскому нациестроительству и евразийской политике.

Если отвлечься от этой прикладной задачи, то трудно не признать, что в рассуждениях П.Н. Савицкого многое не утратило своей актуальности, и поиски параллелей в разных областях жизни России (как бы их ни интерпретировали философски) – важная задача и в наши дни. Некоторые статьи, вошедшие в книгу – «“Подъем” и “депрессия” в древнерусской истории», «Ритмы монгольского века», – предоставляют богатый материал для таких поисков. Неожиданно и оригинально обращение географа и экономиста П.Н. Савицкого к русской литературе как к источнику по освоению русским народом евразийского пространства и по изучению идеологии патриотизма и великодержавности (этому посвящены статьи «Житие» протопопа Аввакума как географический источник» и «Идея Родины в советской поэзии»). Конечно, в сборнике присутствуют работы П.Н. Савицкого и по экономике, поднимающие хозяйственные вопросы до уровня метафизических проблем – «Хозяйство и вера», «Метафизика хозяйства». Наконец, читателю будет интересно ознакомиться со статьями «Кто и что делает русскую культуру провинциальной?» и «Россия и эмиграция», в которых П.Н. Савицкий обращается к «русскому национальному повороту» сталинского государства. Статьи проливают свет на сложную и амбивалентную евразийскую оценку сталинизма, который для П.Н. Савицкого и евразийцев оказался ожидаем, но во многом неприятелем. С иронией отзывается П.Н. Савицкий о передовице газеты «Правда» 1936 г., где осуждалось раболепие перед Западом: «Когда читаешь некоторые места этой статьи, порою прямо-таки не веришь, что перед глазами – “Правда”, а не страницы какой-нибудь “Евразийской хроники” и “Евразийского временника”» [Савицкий 2018, с. 172]. В сталинской России П.Н. Савицкого неприятно удивляет сочетание новых, ранее небывалых форм экономики и политики и застывшие старого русского национализма с его возвеличиванием культуры XIX века: «Его (сталинского режима – Р.В.) идейная сторона все более сводится <...> к сопряжению старого марксизма со старым национализмом» [Савицкий 2018, с. 243]. В условиях несвободы невозможно творчество, подчеркивает П.Н. Савицкий, а без него не достигнута главная положительная цель революции, как ее понимали евразийцы, – преобразование и развитие русской культуры.

Есть в книге и публикация переписки П.Н. Савицкого с П.П. Сувчинским, открывающей нюансы взаимоотношений лидеров евразийского движения, их теоретических разногласий, которые в официальных заявлениях они старались скрывать, что делает образ евразийства не только более сложным, но и более объемным и колоритным.

Литература

- Ашнин Ф., Алпатов В. (1996) Евразийство в зеркале ОГПУ-НКВД-КГБ // Вестник Евразии. № 3. С. 5–18.
- Полухин А.Н. (2009) К проблеме макро-и микроанализа в исторической концепции П.Н. Савицкого (1895–1968) // Вестник Томского Государственного университета. Серия «История». №2(6). С. 70–72.
- Савицкий П.Н. (2018) Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Викмо-М.
- Серио П. (2001) Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М.: Языки славянской культуры.

A Synthetic Image of Russia-Eurasia

Book Review: Savitsky P.N. (2018) The Scientific Tasks of Eurasianism. Articles and Letters, Moscow: A. Solzhenitsyn, Vikmo-M (in Russian).

R. VAKHITOV*

***Rustem Vakhitov** – PhD in Philosophy, Assistant Professor, Faculty of Philosophy and Sociology, Bashkir State University. Address: 32, A.-Z. Validi St., Ufa, Russian Federation. E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Citation: Vakhitov R. (2019) A Synthetic Image of Russia-Eurasia. *Mir Rossii*, vol. 28, no 4, pp. 193–200 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-193-200

Abstract

Russian studies are regaining popularity in social science research. However, defining this subject is more problematic than ever. The question “what is Russia?” is not a simple one and involves a whole range of philosophical, geopolitical and cultural debates and it raises further questions about the relationship between mental constructions and reality, about the natural boundaries and the ethnic composition of civilizations. Do Ukraine and Central Asia belong to Russia as a civilization? What unites the various phenomena

of Russian civilization? Is Russia a civilization of Russians or of all peoples living on its territory? Russian Eurasianism offers specific answers to these questions, and the scientific aspects of the theories of Eurasians are reflected in the book under review. The book is a collection of articles by Savitsky written in the 1920s and 1930s, and includes not only pieces on Russian studies, but also on Russian history, literature and Stalinist USSR, as well as the correspondence of Savitsky with Pyotr Suvchinsky.

Savitsky developed a doctrine of the ideal substance of Russia-Eurasia called *eidos*, i.e. a unity of economic, cultural and political phenomena setting the “natural boundaries” separating Russia-Eurasia from Europe and Asia. The content of Russian civilization can change (for example, in ancient times it was not so much a civilization of Slavs as of nomadic peoples), but its structural features, its ideal basis remains invariant. Later articles by Savitsky with his assessment of the Stalinist “national turn” are of particular interest. Savitsky ironizes the fact that the front pages of “Pravda” started to resemble the publications of Eurasians. He welcomes some weakening of the Euro-centrism in Soviet ideology, the recognition of the significance of classical Russian culture, but at the same time blames Stalin’s leadership for a lack of creativity and a reliance on the dogmas of old Russian nationalism. Savitsky further argues that genuine creativity is impossible in an atmosphere of non-freedom and repression, which prevailed in the Soviet Union in the 1930s. Finally, the correspondence between Savitsky and Suvchinsky facilitates the understanding of the relations between members of the Eurasian movement, their theoretical fusion and disagreements, and thus completes the image of Eurasianism as an intellectual movement. The collection is preceded by a thorough introductory article by a prominent scholar of Russian Eurasianism K.B. Yermishina, who also owns the credit for compiling the book.

Key words: P.N. Savitsky, Eurasianism, Russian studies, Russia, structure, *eidos*

References

- Ashnin F., Alpatov V. (1996) Evrazijsstvo v zerkale OGPU-NKVD-KGB [Eurasianism in the Mirror of the OGPU-NKVD-KGB]. *Vestnik Evrazii*, no 3, pp. 5–18.
- Polukhin A.N. (2009) K probleme makro-i mikroanaliza v istoricheskoi konceptsii P.N. Savitskogo (1895-1968) [To the Problem of Macro- and Microanalysis in the Historical Concept of P.N. Savitsky (1895–1968)]. *Vestnik Tomskogo gosudrstvennogo universiteta*, no 2(6), pp. 70–72.
- Savitsky P.N. (2018) *Nauchnye zadachi evrazijsstva. Stat'i i pis'ma* [Scientific Tasks of Eurasianism. Articles and Letters], Moscow: A. Solzhenitsyn, Vikmo-M.
- Sériot P. (2001) *Struktura i tselostnost'. Ob intellektual'nykh istokakh strukturalizma v Tsentral'noj i Vostochnoj Evrope. 1920-30-e gg.* [Structure and Integrity. On the Intellectual Origins of Structuralism in Central and Eastern Europe. 1920-30s], Moscow.